

Иэн
Рейд

ДУМАЮ, КАК ВСЕ ЗАКОНЧИТЬ

Экранизация романа от режиссера и сценариста Чарли Кауфмана,
создателя фильмов «Вечное сияние чистого разума»,
«Быть Джоном Малковичем», «Нью-Йорк, Нью-Йорк»

NETFLIX
A NETFLIX FILM

Кино (АСТ)

Иэн Рейд

Думаю, как все закончить

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)

Рейд И.

Думаю, как все закончить / И. Рейд — «Издательство АСТ»,
2016 — (Кино (АСТ))

ISBN 978-5-17-134237-1

Джейк вместе со своей подругой едут в гости к его родителям на отдаленную ферму. Поездка с самого начала кажется странной, а девушке кто-то звонит с ее собственного номера и оставляет загадочные сообщения. Но когда пара добирается до цели своего путешествия, все становится только хуже. Мать и отец Джейка ведут себя загадочно, на стене в их доме висит фотография, на которой девушка узнает себя, а в подвале таится что-то страшное. И вскоре события приобретут по-настоящему зловещий оборот, а роман обернется жуткой и мрачной головоломкой, исследующей вопросы сознания, свободы воли и восприятия времени.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-134237-1

© Рейд И., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

* * *	6
* * *	7
* * *	11
* * *	12
* * *	18
* * *	19
* * *	21
* * *	23
* * *	24
* * *	31
* * *	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иэн Рейд

Думаю, как все закончить

Посвящается Дону Рейду

Iain Reid

I'M THINKING OF ENDING THINGS

This edition published by arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc. and The Van Lear Agency LLC

Copyright © 2016 by Iain Reid

© Наталия Осояну, перевод, 2020

Cover © Netflix 2020. Used with permission.

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Я думаю, как все закончить.

Как только эта мысль приходит в голову, она остается. Прилипает. Застревает. Доминирует. Я мало что могу с ней поделать. Уж поверьте. Она не уходит. Она со мной, нравится мне это или нет. Она со мной, когда я ем. Когда ложусь спать. Она со мной, когда я сплю. Она со мной, когда я просыпаюсь. Она всегда со мной. Постоянно.

Я не слишком давно об этом думаю. Идея новая. Но в то же время кажется старой. Когда все началось? Что, если она не возникла в моей голове, а ее разработали заранее и вложили мне в сознание? Может ли невысказанная идея быть неоригинальной? Возможно, все это известно мне давным-давно. Возможно, именно так все и должно было закончиться.

Джейк однажды сказал: «Иногда мысль ближе к истине, к реальности, чем действие. Можно сказать что угодно, можно совершить что угодно, но мысль подделать нельзя».

Мысль подделать нельзя. И вот о чем я думаю.

Это меня беспокоит. В самом деле беспокоит. Может, мне следовало знать, чем все для нас закончится. Может, конец был предопределен с самого начала.

* * *

Дорога практически пуста. Здесь тихо. Безлюдно. Даже в большей степени, чем ожидалось. Так много всего можно увидеть, но маловато людей, построек или домов. Небо. Деревья. Поля. Заборы. Дорога и ее гравийные обочины.

– Хочешь, остановимся выпить кофе?

– Нет, спасибо, – говорю я.

– Это наш последний шанс перед тем, как мы въедем в по-настоящему фермерские края.

Я впервые навещаю родителей Джейка. Или навещу, когда мы приедем. Джейк. Мой парень. Он стал моим парнем не так давно. Это наше первое совместное путешествие, наша первая долгая поездка, поэтому странно, что я ощущаю ностальгию – из-за наших отношений, из-за него, из-за нас. Я должна быть взволнована, должна с нетерпением ожидать встречи, первой из многих. Но все не так. Совсем не так.

– Мне не надо ни кофе, ни закусок, – вновь говорю я. – Хочу быть голодной к ужину.

– Сомневаюсь, что сегодня будет обычное застолье. Мама в последнее время устает.

– Но ты же не думаешь, что она будет возражать, так? Что я с тобой?

– Нет, она будет рада. Она уже радуется. Мои старики хотят с тобой познакомиться.

– Тут кругом сплошные амбары. Ну надо же.

За эту поездку я увидела больше амбаров, чем за все предыдущие годы. Может, за всю жизнь. Они все выглядят одинаково. То коровы, то лошади. Овцы. Поля. И амбары. Такое огромное небо.

– На этих шоссе нет фонарей.

– Нет смысла освещать дорогу, слишком мало машин, – говорит Джейк. – Уверен, ты заметила.

– Ночью, наверное, очень темно.

– Да уж.

Такое чувство, что я знаю Джейка дольше, чем на самом деле. Сколько времени прошло... месяц? Шесть недель, а может, семь? Мне бы следовало помнить, сколько. Допустим, семь недель. У нас подлинная связь, редкая и сильная привязанность. Я никогда не испытывала ничего подобного.

Я поворачиваюсь в кресле к Джейку, хватаю себя за левую ногу и, подтянув, сажусь на нее, как на подушку.

– Ну и как много ты им про меня рассказал?

– Моим родителям? Достаточно много, – говорит он и бросает на меня быстрый взгляд. Мне нравится этот взгляд. Я улыбаюсь. Меня к нему так тянет.

– Что ты им сказал?

– Что встретил хорошенькую девушку, которая пьет слишком много джина.

– А мои родители не знают, кто ты.

Он думает, я шучу. Но это не шутка. Они понятия не имеют о его существовании. Я им не рассказала про Джейка, даже не упомянула о том, что с кем-то встречаюсь. Ни слова. И я все думаю: надо сказать хоть что-то. Ведь столько возможностей было. Но я постоянно была не до конца уверена, а потому молчала.

Джейк как будто собирается заговорить, но передумывает. Протягивает руку и включает радио. Тихонько. Единственная музыка, которую мы смогли отыскать, просканировав весь диапазон частот несколько раз, – какая-то радиостанция, транслирующая кантри. Старые песни. Джейк кивает в такт очередной, без слов негромко напевает ее себе под нос.

– Никогда раньше не слышала, чтобы ты пел с закрытым ртом, – говорю я. – У тебя здорово получается.

Не думаю, что мои родители *однажды* узнают про Джейка – ни сейчас, ни задним числом. Пока мы едем по пустынному сельскому шоссе к его ферме, от этой мысли мне становится грустно. Я чувствую себя эгоистичной, эгоцентричной. Я должна сказать Джейку, о чем думаю. Просто об этом очень трудно говорить. Стоит мне озвучить свои сомнения, обратного пути не будет.

Я уже более-менее решила. Почти уверена, что все закончу. Из-за этого я даже меньше нервничаю при мысли о встрече с его родителями. Мне любопытно посмотреть, как они выглядят, но теперь я чувствую угрызения совести. Джейк наверняка думает, что поездка на ферму – это знак приверженности с моей стороны, свидетельство того, что наши отношения становятся серьезнее.

Он сидит здесь, рядом со мной. О чем он только думает? Он понятия не имеет. Это будет нелегко. Не хочется причинять ему боль.

– Откуда ты знаешь эту песню? И разве мы ее уже не слышали? Дважды?

– Это классика кантри, а я вырос на ферме. Я ее знаю по умолчанию.

Он не подтверждает, что мы слышали эту песню уже дважды. Какая радиостанция повторяет одну и ту же песню дважды в течение часа? Я больше не слушаю радио; может, именно этим они сейчас и занимаются. Может, это нормально. Я даже не знаю. А может, все старые кантри-песни звучат для меня одинаково.

Почему я ничего не помню о своем последнем путешествии на автомобиле? Я даже не могу сказать, когда оно случилось. Смотрю в окно, но на самом деле ничего не вижу. Просто коротая время, как обычно происходит в машине. В машине оно так и летит, как пейзаж снаружи.

И это очень плохо. Джейк много рассказывал мне о здешнем пейзаже. Говорил, как он ему нравится. Говорил, как скучает по здешним местам, когда уезжает. Особенно по полям и небу, так он сказал. Я уверена, что здесь красиво, спокойно. Но это трудно ощутить, когда сидишь в движущейся машине. Я пытаюсь вобрать в себя как можно больше.

Мы проезжаем мимо заброшенной фермы, от которой остался только фундамент главного дома. По словам Джейка, тут все сгорело лет десять назад. За фундаментом виднеется ветхий сарай, а на переднем дворе – качели. Но они выглядят новыми. Не старыми и ржавыми, не выцветшими от смены времен года.

– А откуда там новые качели? – спрашиваю я.

– Где?

– На той сожженной ферме. Там больше никто не живет.

– Дай знать, если тебе станет холодно. Тебе не холодно?

– Все в порядке, – говорю я.

Стекло прохладное. Я прижимаюсь к нему головой. Ощущаю вибрацию двигателя, каждую неровность дорожного полотна. Нежный массаж мозга. В этом есть что-то гипнотическое.

Я не говорю ему, что стараюсь не думать о Названивающем. Я вообще не хочу думать о Названивающем или о его сообщении. Только не сегодня. Я также не хочу говорить Джейку, что стараюсь не видеть свое отражение в оконном стекле. Для меня это день-без-зеркал. Совсем как в тот раз, когда мы с Джейком познакомились. Эти мысли я держу при себе.

Вечер викторин в университетском пабе. Вечер нашего знакомства. Университетский паб – не то место, где я провожу много времени. Я не студентка. Уже нет. Там я чувствую себя старой. Я никогда не ела в пабе. У разливного пива землистый привкус.

Я не рассчитывала в тот вечер с кем-то познакомиться. Пришла с подругой. Впрочем, мы не особо интересовались викториной. Сидели за кувшином и болтали.

Думаю, подруга захотела встретиться в университетском пабе, так как хотела, чтобы я там познакомилась с парнем. Она этого не говорила, но похоже, таков был ход ее размышлений. Джейк и его друзья сидели за соседним столиком.

Викторины меня не интересуют. И дело не в том, что я не считаю их забавными. Просто это не мое. Я бы предпочла пойти куда-то, где не так шумно, или остаться дома. Дома у пива не бывает земляного привкуса.

Команда Джейка называлась «Брови Брежнева».

– А кто такой Брежнев? – спросила я его.

Там царил шум и гам, из-за музыки мы почти кричали друг на друга. Наш разговор длился уже несколько минут.

– Он был советским инженером, работал в металлургии. Эпоха застоя. У него брови походили на пару чудовищных гусениц.

Вот о чем я и говорю. Название команды Джейка. Оно было забавным и вместе с тем имело скрытый смысл, демонстрирующий познания в истории советской коммунистической партии. Я не знаю почему, но подобные вещи сводят меня с ума.

Названия команд всегда такие. А если нет, то у них есть откровенный сексуальный подтекст. Еще одна называлась «У нас с раскладным диваном один талант на двоих!».

Я сказала Джейку, что на самом деле не люблю викторины, особенно в подобных местах.

– Викторина позволяет узнать интересные мелочи, – ответил он. – А еще это причудливая разновидность соперничества, заgrimированного под апатию.

Джейка не назовешь писанным красавцем. Он привлекателен главным образом своей необычностью. В тот вечер он не сразу бросился мне в глаза. Но оказался самым интересным. Меня редко прельщает безупречная красота. А Джейк выглядел так, словно был не совсем частью группы, словно его туда притащили, потому что команда зависела от его ответов. Меня сразу же потянуло к нему.

Джейк высокий, сутулый и весь какой-то неровный, с резкими скулами. Чуть тощий. Эти выступающие скулы, точно у скелета, понравились мне с первого взгляда. Его темные, полные губы компенсируют недокормленный вид. Толстые, мясистые и пухлые, особенно нижняя. Волосы у него были короткие и нечесанные, и еще, похоже, длиннее с одной стороны – а может, отличались по текстуре, как будто слева и справа его подстригли по-разному. Его шевелюра не выглядела ни грязной, ни недавно вымытой.

Он был чисто выбрит и носил серебряные очки в тонкой оправе, правую дужку которых рассеянно поправлял. Иногда подталкивал их указательным пальцем к переносице. Я заметила, что у него была такая привычка: сосредотачиваясь на чем-то, он нюхал тыльную сторону ладони или, по крайней мере, держал ее под носом. Он так часто делает до сих пор. На нем были джинсы и простая футболка – серая, а может, голубая. Она выглядела так, словно ее стирали сотни раз. Джейк часто моргал. Я заметила, что он застенчив. Мы могли бы просидеть там всю ночь, рядом друг с другом, и он не сказал бы мне ни слова. Улыбнулся мне один раз, да и только. Если бы все зависело от него, мы бы никогда не познакомились.

Я поняла, что он не собирается ничего говорить, поэтому начала первой:

– Вы, ребята, неплохо справляетесь.

Это было первое, что я сказала Джейку.

Он поднял бокал с пивом.

– У нас крепкое подспорье.

Вот и все. Лед тронулся. Мы еще немного поговорили. Затем он очень небрежно сказал:

– Я полигистер¹.

Я уклончиво пробормотала что-то вроде «ага» или «ух ты». Я не знала такого слова.

¹ Полигистер – ученый-энциклопедист.

Джейк сказал, что хотел назвать команду «Ипсеити»¹¹. Еще одно незнакомое слово. Поначалу я хотела притвориться, будто это не так. Я уже поняла, несмотря на его осторожность и сдержанность, что он необыкновенно умен. Джейк ни в коем случае не был агрессивен. Не пытался меня подцепить. Обошелся без реплик из дрянного сценария. Просто наслаждался разговором. Мне показалось, что он не так уж часто ходит на свидания.

– Не думаю, что знаю это слово, – сказала я. – Или то, другое.

Я решила, что, как и большинство мужчин, он, вероятно, захочет мне все объяснить. Ему это понравится больше, чем если бы он думал, что я уже знаю эти слова и обладаю таким же разнообразным словарным запасом.

– «Ипсеити» – это по сути просто еще один синоним самости или индивидуальности. От латинского *ipse*, что означает «сам».

Знаю, эта часть звучит педантично, поучительно и отталкивающе, но поверьте мне, все было не так. Совсем не так. Только не от Джейка. В нем ощущалась доброта, притягательная, естественная кротость.

– Я подумал, это будет хорошее название для нашей команды, учитывая, что нас много, но мы не похожи ни на одну другую команду. И поскольку мы играем под одним названием, это создает идентичность, единство. Извини, я не знаю, есть ли в моих словах какой-то смысл, и они определенно скучные.

Мы оба рассмеялись, и мне показалось, что больше в пабе никого нет. Я выпила немного пива. Джейк был забавным. По крайней мере, у него было чувство юмора. Я все еще не думала, что он такой же смешной, как я. Большинство мужчин, которых я встречаю, не такие.

Позже, ночью, он заметил:

– Просто люди не слишком забавные. На самом деле они не такие. Нечто забавное – это редкость. – Джейк сказал это так, будто точно знал, о чем я думала раньше.

– Не знаю, правда ли это, – сказала я. Мне нравились такие категоричные заявления о «людях». Под его маской сдержанности бурлила глубокая уверенность в себе.

Когда я поняла, что он и его товарищи по команде собираются уходить, то подумала попросить его номер телефона или дать ему свой. Я очень хотела, но не могла. Не хотела, чтобы он чувствовал себя так, будто обязан позвонить. Конечно, я хотела, чтобы ему захотелось позвонить. Действительно хотела. Но внушила себе, что мы еще увидимся где-нибудь поблизости. Это был университетский городок, а не большой город. Я бы на него наткнулась. Как оказалось, мне не пришлось ждать такого шанса.

Должно быть, он сунул записку мне в сумочку, когда пожелал спокойной ночи. Я нашла ее, вернувшись домой:

Если бы у меня был твой номер, мы могли бы поговорить, и я бы рассказал тебе что-нибудь забавное.

Внизу записки он написал свой номер телефона.

Перед сном я поискала, что значит слово «полигистер». Я рассмеялась и поверила ему.

¹¹ *Ipseity* (англ. *Ipseity*) – индивидуальная идентичность, самость; термин, встречающийся в философии, психологии и других сферах. Устоявшегося и общепризнанного перевода на русский язык не существует, встречаются такие варианты, как самость, самостность, яйность, я-ковость, уровни «я», чувство self и т. д. – *Здесь и далее прим. перев.*

* * *

- Все еще не верится. Как же такое могло произойти?
- Мы все потрясены.
- Здесь никогда не случалось ничего столь ужасного.
- Да, такого не бывало.
- За все годы, что я тут работаю.
- Думаю, что нет.
- Прошлой ночью заснуть не смогла. Сна ни в одном глазу.
- Со мной то же самое. Никак не могу прийти в себя. Я почти не ем. Видела бы ты мою жену, когда я все ей рассказал. Я уж подумал, ее сейчас стошнит.
- Как же он мог такое устроить, довести до конца? Подобные вещи не делают по прихоти. Так не бывает.
- Страшно все это, да уж. Страшно и тревожно.
- Так ты его знал? Вы были друзьями?
- Нет-нет. Мы не дружили. Мне кажется, он ни с кем не сблизился. Он был одиночкой. Уж такой характер. Держался особняком. Вещь в себе. Некоторые знали его получше. Но... сама понимаешь.
- Просто с ума сойти. Кажется, что это нереально.
- Да, это ужасно – и, к сожалению, очень реально.

* * *

- Как там дороги?
- Неплохо, – говорит он. – Немного скользко.
- Хорошо, что хоть снега нет.
- Надеюсь, и не будет.
- Похоже, снаружи холодно.

По отдельности мы оба ничем не примечательны. Мне кажется, об этом стоит упомянуть. Сочетание наших элементов – долговязости Джейка с моей откровенной низкорослостью – не имеет смысла. Одна в толпе, я чувствую себя стиснутой со всех сторон, *незаметной*. Джейк, несмотря на свой рост, тоже сливается с окружением. Но когда мы вместе, я вижу, что люди смотрят на нас. Не на него и не на меня, а на нас. По отдельности я теряюсь на фоне толпы. Он тоже. Как пара мы выделяемся.

За шесть дней после встречи в пабе мы трижды нормально пообедали, дважды прогулялись, выпили кофе и посмотрели кино. Мы все время разговаривали. Мы были близки. Джейк дважды говорил, увидев меня голой, что я напоминаю ему – в хорошем смысле, как он подчеркнул, – молодую Уму Турман, «заархивированную» Уму Турман. Он назвал меня «заархивированной». Это было подходящее слово. Его слово.

Он никогда не называл меня сексуальной. И это прекрасно. Он назвал меня хорошенькой и пару раз сказал «красивая», как это делают парни. Однажды он назвал меня терапевтической. Я подобного ни от кого не слышала. Это было сразу после того, как мы дурачились.

Я предполагала, что это может случиться – дурачество, но оно не было запланированным. Мы только начали целоваться на моем диване после ужина. Я приготовила суп. На десерт распили бутылку джина. Передавали ее туда-сюда, делая большие глотки прямо из горла, как школьники, которые решили напиться перед танцами. В происходящем ощущалась неотложность, и ее не было в предыдущие разы, когда мы целовались. Когда бутылка была наполовину выпита, мы перешли к кровати. Он снял с меня топ, я расстегнула молнию на его брюках. Он позволил мне делать то, что я хотела.

Он все повторял: «Поцелуй меня, поцелуй меня». Даже если я останавливалась всего на три секунды. «Поцелуй меня», снова и снова. В остальном он был спокоен. Свет мы выключили, и я едва слышала его дыхание.

Я не очень хорошо его видела.

– Давай будем действовать руками, – сказал он. – Только руками.

Я думала, мы собираемся заняться сексом. Не знала, что сказать. Согласилась. Я никогда не делала так раньше. Когда все закончилось, он рухнул на меня. Так мы и лежали, закрыв глаза и тяжело дыша. Потом он перевернулся на другой бок и вздохнул.

Не знаю, сколько времени прошло, но в конце концов Джейк встал и пошел в ванную. Я лежала, смотрела, как он идет, слушала, как течет вода. Услышала, как в туалете сработал бачок. Джейк вышел не сразу. Я смотрела на свои пальцы ног, шевеля ими.

Тогда я подумала, что должна рассказать ему о Называющем. Но просто не могла, хотела про все забыть. Если бы я решилась, то все сразу стало бы гораздо серьезнее, чем мне хотелось. В тот раз я сильнее всего приблизилась к тому, чтобы рассказать.

Я лежала одна, когда мне на ум пришло одно воспоминание. Совсем маленькой, где-то лет в шесть-семь, я проснулась однажды ночью и увидела у своего окна мужчину. Я уже давно об этом случае не думала. Я не часто говорю – или даже думаю – о нем. Это какое-то смутное, отрывочное воспоминание. Но то, что всплывает в разуме, я помню отчетливо. Это не та история, которую рассказывают за столом на званом обеде. Не представляю, что люди

подумают, услышав ее. Я и сама не знаю, что о ней думать. Не понимаю, почему тем вечером о ней вспомнила.

Как мы осознаем, что столкнулись с чем-то угрожающим? Как замечаем, что перед нами что-то опасное? Инстинкт всегда побеждает разум. Ночью, когда я просыпаюсь в одиночестве, это воспоминание все еще пугает меня. Чем старше я становлюсь, тем сильнее страх. Каждый раз, когда я думаю о человеке в окне, он становится все страшнее. И возможно, каждый раз, когда я вспоминаю о нем, все становится только хуже, чем было. Не знаю.

Той ночью я проснулась без всяких причин. Мне не нужно было в туалет. В комнате царила полная тишина. Я не лежала, сонная, в постели. Мгновенно ощутила полную ясность ума. Это было для меня необычно. Мне всегда требуется несколько секунд или даже минут, чтобы полностью прийти в себя. Но в тот раз я проснулась, словно от пинка.

Я лежала на спине, что тоже было необычно. Обычно я сплю на боку или на животе. Одеяло плотно укутывало меня со всех сторон, как будто его только что подоткнули. Мне было жарко, я вспотела. Подушка намочла. Дверь в комнату была закрыта, а ночник, который я обычно оставляла включенным, не горел. В комнате царил мрак.

Верхний вентилятор работал на полную мощность. Он быстро вращался, я хорошо это помню. Вертелся как сумасшедший. Казалось, вот-вот слетит с потолка. Это были единственные звуки, которые доносились до моих ушей – равномерный гул мотора и лопасти, рассекающие воздух.

Дом был не новый, и я всегда что-то слышала – трубы или какой-нибудь скрип, – если просыпалась посреди ночи. Странно, но в тот момент я больше не слышала ничего. Я лежала, настороженно прислушиваясь, сбита с толку.

И вот тогда-то и увидела его.

Моя комната находилась в задней части дома. Это была единственная спальня на первом этаже. Окно было прямо передо мной, ни широкое, ни высокое. Человек просто стоял там. Снаружи.

Я не видела его лица. Оно было выше оконной рамы. Я могла видеть его торс, только половину торса. Он слегка покачивался. Шевелил руками, время от времени потирая ладони, как будто пытался согреть их. Я это очень хорошо помню. Он был очень высокий, очень худой. Его ремень – я помню его поношенный черный ремень – был застегнут так, что лишняя часть свисала спереди, как хвост. Самый высокий человек из всех, кого я когда-либо видела.

Я долго наблюдала за ним. Не шевелилась. Он продолжал стоять прямо напротив окна, потирая ладони. Он выглядел так, словно отдыхал от тяжелой физической работы.

Но чем дольше я наблюдала за ним, тем больше мне казалось – чувствовалось, – что он видит меня, пусть его голова и глаза находятся над верхней частью окна. В этом не было никакого смысла. Ничто из происходящего не имело смысла. Если я не вижу его глаз, как он может смотреть на меня? Я знала, что это не сон. Но это не было и *не* сном. Этот человек наблюдал за мной. Поэтому там и стоял.

Снаружи звучала тихая музыка, но я не могу вспомнить мотив как следует. Я едва его расслышала. И поначалу, когда проснулась, ничего такого не заметила. Но музыка появилась, когда я увидела человека у окна. Не уверена, то ли это была запись, то ли кто-то напевал себе под нос. Это длилось долго – я думаю, много минут, может быть, час.

А потом мужчина помахал рукой. Я этого не ожидала. Честно говоря, не знаю, был ли это определенно взмах или просто такое движение руки. Может, всего лишь волнообразный жест.

И он изменил все. Оставил какой-то злобный отпечаток, словно незнакомец намекал, что теперь я никогда не буду одна, что он всегда будет поблизости, что он вернется. Мне вдруг стало страшно. И дело вот в чем: сейчас это чувство так же реально для меня, как и тогда. Я все вижу как наяву.

Я зажмурилась. Хотела закричать, но не смогла. Я заснула. А когда наконец-то открыла глаза, наступило утро. И человек исчез.

Потом я думала, что все повторится. Что он опять придет и будет смотреть. Но он не пришел. По крайней мере к моему окну.

Однако я всегда чувствовала себя так, словно он где-то рядом. Он всегда где-то рядом.

Иногда мне казалось, что я его видела. Допустим, проходила мимо окна – обычно такое случалось ночью – и замечала высокого мужчину, сидящего со скрещенными ногами на скамейке перед моим домом. Он не шевелился и смотрел в мою сторону. Я не понимаю, как просто сидящий на скамейке незнакомец может быть опасным, но этот определенно им был.

Он находился далеко, я не могла разглядеть его лицо и понять, смотрит он на меня или нет. Я ненавидела, когда он попадался мне на глаза. Это происходило нечасто. Но я эти моменты ненавидела. И ничего не могла с ним поделать. Незнакомец не делал ничего плохого. Но он вообще ничего не делал. Не читал. Не разговаривал. Просто сидел. Откуда он взялся? Это, наверное, было хуже всего. Может, я все выдумала. Абстракции такого рода могут казаться наиболее реальными.

Когда Джейк вернулся из ванной, я лежала на спине, как он меня оставил. Покрывала были в беспорядке. Одна из подушек валялась на полу. Наша одежда была разбросана вокруг, отчего комната смахивала на место преступления.

Джейк стоял в ногах кровати, не говоря ни слова, и казалось, прошло неестественно много времени. Я видела его голым, когда он лежал, но не стоял. Тело у Джейка было бледным, худым и жилистым. Он нашел свое нижнее белье на полу, натянул его и забрался обратно в постель.

– Хочу остаться на ночь, – сказал он. – Все так здорово. Не хочу тебя покидать.

По какой-то причине, именно в этот момент, когда он скользнул ко мне и его нога потерлась о мою, я захотела, чтобы он меня приревновал. Я никогда раньше не испытывала такого сильного желания. Оно появилось из ниоткуда.

Я посмотрела на Джейка, как он лежит с закрытыми глазами, на животе. У нас обоих были влажные от пота волосы. Его лицо, как и мое, покраснелось.

– Все было так здорово, – сказала я и стала щекотать ему поясницу кончиками пальцев. Он застонал в знак согласия. – Мой последний бойфренд... с ним не было... настоящая связь встречается редко. Отношения бывают физическими, да и только. Экстремальная физическая разрядка, и ничего больше. Вас друг к другу тянет с невероятной силой, но все это длится недолго.

До сих пор не знаю, что на меня нашло. Это было не совсем правдой, и с чего бы мне вспоминать о другом бойфренде в такой момент? Джейк никак не отреагировал. Он просто повернул лицо ко мне, продолжая лежать, и сказал:

– Продолжай. Так приятно. Люблю, когда ты ко мне прикасаешься. Ты очень нежная. Терапевтическая.

– Твои прикосновения мне тоже приятны, – сказала я.

Через пять минут дыхание Джейка изменилось. Он заснул. Мне было жарко, и я не стала укрываться одеялом. В комнате стояла тьма, но глаза привыкли, и я все еще видела пальцы своих ног. Потом услышала, как на кухне зазвонил телефон. Было уже очень поздно. Слишком поздно для звонков. Я не встала, чтобы ответить. Никак не могла заснуть. Ворочалась с боку на бок. Телефон звонил еще три раза. Мы с Джейком остались в постели.

Когда я проснулась утром, позже обычного, Джейка уже не было. Я лежала под одеялом. У меня болела голова, пересохло во рту. Бутылка джина стояла на полу, пустая. На мне было нижнее белье и майка, но я не помнила, когда их надела.

Надо было сказать Джейку о Названивающем. Теперь я понимаю. Я обо всем должна была рассказать ему, когда все началось. Я должна была *кому-нибудь* рассказать. Но не сочла те звонки значительными, а потом они такими стали. Теперь-то я понимаю свою ошибку.

Когда он позвонил в первый раз, то ошибся номером. И все. Ничего серьезного. Никаких поводов для беспокойства. Звонок раздался в тот самый вечер, когда я встретила Джейка в пабе. Неправильный номер набирают нечасто, но случай вполне нормальный. Телефон вырвал меня из глубокого сна. Единственной странностью был голос Названивающего – напряженный, а говорил он медленно, размеренно и как-то устало.

С самого начала, с той первой недели с Джейком, даже с первого свидания, я замечала в нем странные мелочи. Мне не нравится, что я подмечаю такие вещи. Но так уж выходит. Даже сейчас, в машине. Я замечаю его запах. Он очень тонкий. Но в замкнутом пространстве ощущается. Он не дурной. Не знаю, как его описать. Это просто запах Джейка. Так много мелких деталей, которые мы узнаем за столь малое время. Прошли недели, а не годы. Очевидно, есть вещи, которых я о нем не знаю. И есть вещи, которых он обо мне не знает. Вроде Названивающего.

Названивающий был мужчиной, это я расслышала – средних лет, а может, и старше, – но с отчетливо женственным голосом, как будто он нарочно говорил как женщина, а то и просто выше и нежнее. Голос был неприятно искажен. Я его не узнавала. Этот человек был мне не знаком.

Я довольно долго снова и снова прослушивала его первое сообщение, пытаюсь обнаружить что-нибудь знакомое. Не смогла. И до сих пор не могу.

После того, первого, звонка, когда я объяснила Названивающему, что он, наверное, ошибся номером, он сказал своим скрипучим женоподобным голосом: «Извините». Подождал еще пару секунд и повесил трубку. После этого я совсем забыла о случившемся.

На следующий день увидела уведомление о двух пропущенных звонках. Оба были приняты в середине ночи, когда я спала. Я проверила список пропущенных звонков и увидела, что они поступили с того же номера, с которого звонил вчерашний незнакомец. Это было странно. Зачем ему перезванивать? Но вот что действительно странно и необъяснимо, вот что расстраивает меня до сих пор: звонки поступили с моего собственного номера.

Сначала я в это не поверила. Даже не узнала свой номер. До меня не сразу дошло. Я подумала, это ошибка. Иначе никак. Но я перепроверила и убедилась, что смотрю на список пропущенных звонков, а не на что-то другое. Это определенно был список пропущенных звонков. И он там был. Мой номер.

Только через три или четыре дня Названивающий оставил свое первое голосовое сообщение. Вот тогда-то все стало по-настоящему жутко. Я все еще не удалила то сообщение. Как и остальные. Все семь штук. Не знаю, почему я их сохранила. Возможно, я все еще думаю, что смогу рассказать о них Джейку.

Я лезу в сумочку, достаю телефон и набираю номер.

– Кому звонишь? – спрашивает Джейк.

– Просто проверяю сообщения.

Я слушаю первое сохраненное сообщение. Это первое голосовое сообщение, которое оставил Названивающий.

«Остается решить только один вопрос. Мне страшно. Я чувствую себя немного сумасшедшим. Я не в себе. Предположения верны. Я ощущаю, как растет мой страх. Теперь настало время для ответа. Только один вопрос. Нужно ответить на один вопрос».

Сообщения не агрессивные и не угрожающие. И голос тоже. Я так не думаю. Хотя теперь уже не уверена. Они определенно грустные. Голос у Названивающего печальный, возможно

немного разочарованный. Я не знаю, что означают его слова. Они кажутся бессмысленными, но бредом их не назовешь. И они всегда одни и те же. Слово в слово.

Ну вот и они, две самые интересные вещи в моей нынешней жизни. Я встречаюсь с Джейком, и кто-то другой, какой-то мужчина, оставляет мне странные голосовые сообщения. У меня мало секретов.

Иногда я лежу в постели и крепко сплю, а потом просыпаюсь и вижу пропущенный звонок. Он обычно звонит посреди ночи, где-то в три часа. И звонок всегда поступает с моего собственного номера.

Однажды он позвонил, когда мы с Джейком смотрели фильм в постели. Когда высветился мой номер, я ничего не сказала, но сделала вид, что жую, и передала трубку Джейку. Он ответил и сказал, что это какая-то старуха, которая ошиблась номером. Он казался равнодушным. Мы продолжили смотреть фильм. В ту ночь я плохо спала.

С тех пор как начались эти звонки, мне снились кошмары, очень страшные сны, и я дважды просыпалась среди ночи в некоторой панике, чувствуя, что кто-то находится в моей квартире. Такого со мной еще никогда не случалось. Это ужасное ощущение. На секунду или две мне кажется, что кто-то находится прямо в комнате, стоит в углу, совсем близко, наблюдает за мной. Это так реально и страшно. Я не могу пошевелиться.

Я плыву в полудреме, но через минуту или около того полностью просыпаюсь и иду в ванную. В квартире всегда очень тихо. Я включаю воду в раковине, и она журчит так громко, ведь вокруг ни звука. У меня сердце колотится. Я вся мокрая от пота, и однажды мне пришлось сменить пижаму, потому что она промокла насквозь. Обычно я не потею, по крайней мере так сильно. Такое неприятное чувство. Уже слишком поздно рассказывать Джейку. Я просто нервничаю чуть больше, чем обычно.

Однажды ночью, пока я спала, незнакомец позвонил двенадцать раз. В тот вечер он не оставил никакого сообщения. Но было двенадцать пропущенных звонков. Все с моего номера.

Большинство людей после такого попытались бы как-то решить проблему, но я ничего не сделала. Я не могла позвонить в полицию. Он никогда не угрожал мне, не говорил ничего плохого или жестокого. Вот что странно: он вообще не хочет говорить. Впрочем, нет, не так: именно говорить он хочет. А вот *беседовать* не желает. Всякий раз, когда я пыталась ответить на его звонок, он просто вешал трубку. Он предпочитает оставлять свои загадочные послания.

Джейк не обращает внимания. Он за рулем, так что я снова слушаю сообщение.

«Остается решить только один вопрос. Мне страшно. Я чувствую себя немного сумасшедшим. Я не в себе. Предположения верны. Я ощущаю, как растет мой страх. Теперь настало время для ответа. Только один вопрос. Нужно ответить на один вопрос».

Я столько раз его слушала. Снова и снова.

Внезапно все зашло слишком далеко. Это было то же самое сообщение, что и всегда, слово в слово, но на этот раз в конце появилось что-то новое. Последнее сообщение, которое я получила, изменило ситуацию. Оно было хуже всех. По-настоящему жутким. В ту ночь я вообще не могла заснуть. Чувствовала себя испуганной и глупой из-за того, что не прекратила звонки раньше. Я чувствовала себя глупо из-за того, что не рассказала о сообщениях Джейку. Я все еще расстроена из-за этого.

«Остается решить только один вопрос. Мне страшно. Я чувствую себя немного сумасшедшим. Я не в себе. Предположения верны. Я ощущаю, как растет мой страх. Теперь настало время для ответа. Только один вопрос. Нужно ответить на один вопрос».

И затем...

«А теперь я скажу то, что тебя расстроит: я знаю, как ты выглядишь. Я знаю твои ступни и ладони, твою кожу. Я знаю твою голову, твои волосы и твое сердце. Тебе не следует грызть ногти».

Я решила, что обязательно отвечу, когда он позвонит в следующий раз. Скажу, чтобы прекратил. Даже если он ничего не ответит, я все равно ему скажу. Может, этого хватит.

Зазвонил телефон.

– Зачем ты мне звонишь? Откуда у тебя мой номер телефона? Ты не можешь и дальше так продолжать, – сказала я вне себя от злости и страха. Его звонки больше не казались случайностью. Он не просто набрал номер наугад. Он не собирался останавливаться. Не собирался исчезать, ему что-то было нужно. Чего он от меня хочет? Почему именно я?

– С тобой что-то не так. Я не могу тебе помочь! – Я начала кричать.

– Но ты же сама мне позвонила, – сказал он.

– Что?

Я отключилась и отшвырнула телефон. Моя грудь тяжело вздымалась.

Знаю, это просто дурацкое совпадение, но я грызу ногти с пятого класса.

* * *

– В тот вечер, когда ты позвонил, у нас был званый ужин. Я приготовила на десерт пирог с пеканом и соленым карамельным соусом. И тут звонок. Когда мы обо всем узнали, вечер был испорчен. До сих пор помню каждое твое слово.

– Дети были на улице, когда я сам узнал. Сразу же позвонил тебе.

– Он был в депрессии или болен? Мы не в курсе, он страдал от депрессии?

– Судя по всему, антидепрессантов он не принимал. Но у него были секреты. Уверен, их было много.

– Да уж.

– Если бы мы только знали, насколько все серьезно. Если бы были хоть какие-то признаки. Всегда есть признаки. Люди не совершают подобное просто так.

– Его поступок продиктован не разумом.

– Это верно, хорошая мысль.

– Он не такой, как мы.

– Нет-нет. Совсем не такой, как мы.

– Когда у тебя ничего нет, то и терять нечего.

– Ага. Нечего терять.

* * *

Я думаю, мы многое узнаем о других не из того, что они нам говорят. Мы многое узнаём, когда наблюдаем за людьми. Они могут сказать нам все, что вздумается. Как однажды заметил Джейк, всякий раз, когда кто-то говорит «Рад познакомиться», он на самом деле думает о чем-то другом, выносит какое-то суждение. Чувство «радости» на самом деле не описывает то, что люди думают или ощущают, но они так говорят – и мы слушаем.

Джейк сказал мне, что наши отношения имеют свою валентность. *Валентность*. Вот какое слово он употребил.

И если все так, то отношения могут быть днем такие, а вечером – другие; от часа к часу они изменяются. Лежать в постели – это одно. Когда мы завтракаем вместе и когда еще рано, то почти не разговариваем. Я люблю поболтать, хотя бы немного. Это помогает мне проснуться. Особенно если беседа забавная. Ничто так не будит меня, как смех – достаточно всего разок рассмеяться, в особенности от души. Это лучше, чем кофеин.

Джейк предпочитает на завтрак хлопья или тосты. Он любит есть в тишине. А еще читать. Он всегда читает. В последнее время – эту книгу Кокто. Он, наверное, перечитал ее уже раз пять.

Но еще он просто читает все, что доступно. Сначала я думала, что он молчит за завтраком, потому что сильно увлекся книгой. Тут я бы его поняла, хотя сама устроена иначе. Сама я так читать не могу. Мне нравится, когда времени достаточно, когда можно по-настоящему погрузиться в историю. Я не люблю разом читать и есть.

Но чтение ради процесса как такового меня раздражает. Джейк способен читать все, что угодно: газету, журнал, надписи на коробках из-под хлопьев и на паршивых флаерах, меню на вынос – все подряд.

– Эй, как по-твоему, секреты в отношениях – изначально несправедливы, плохи или аморальны? – спрашиваю я.

Он застигнут врасплох. Смотрит на меня, потом снова на дорогу.

– Даже не знаю. Зависит от секрета. Он важный? Их больше одного? Сколько? И что человек скрывает? Впрочем, разве тебе не кажется, что в любых отношениях есть секреты? Даже в тех, которые длятся всю жизнь, даже в браках длиной в пятьдесят лет они тоже есть.

На пятое утро, когда мы завтракали вместе, я прекратила попытки завязать разговор. Я вообще не шутила. Села. Поела хлопья. Марку хлопьев выбрал Джейк. Я оглядела комнату. И стала наблюдать за ним. Подмечать детали. Я думала – это хорошо. Вот так мы *по-настоящему* узнаем друг друга.

Он читал журнал. Под нижней губой виднелась тонкая белая пленка или что-то вроде налета, образовавшегося в уголках рта, в ложбинках, где сходятся верхняя и нижняя губы. Это белое вещество я замечала на его губах почти каждое утро. После того, как он принимал душ, оно обычно исчезало.

Что это? Зубная паста? Или все дело в том, что он всю ночь дышал ртом? Или это нечто вроде козюлек из глаз, только по краям рта? Когда он читал, то жевал очень медленно, как будто экономил энергию, как будто, сосредоточившись на словах, не мог быстро глотать. Иногда между последним движением челюсти и глотанием наступала долгая пауза.

Он набирал из миски еще одну полную до краев ложку не сразу, потом рассеянно поднимал ее вверх. Я думала, он хоть раз капнет молоком себе на подбородок – так полна была каждая ложка. Но он этого не сделал. Все помещал в рот, не пролив ни единой капли. Он клал ложку в миску и вытирал подбородок, хотя на том ничего не было. И делал все это как будто в забыты.

Его челюсть очень напряжена и мускулиста. Даже сейчас. Даже когда он сидит за рулем.

Как перестать думать о завтраке с ним через двадцать или тридцать лет? У него каждый день будет появляться этот белый налет? Или все станет хуже? Люди в отношениях часто о таком думают? Я увидела, как он сглотнул – этот его выпуклый кадык похож на корявую персиковую косточку, застрявшую в горле.

Иногда после еды, обычно после обильной трапезы, его тело издает звуки, как остывающий автомобиль после долгой езды. Я слышу, как жидкости перемещаются в небольших пространствах. За завтраком такое случается изредка, а после ужина – чаще.

Ненавижу заикливаться на таких вещах. Они незначительны и банальны, но сейчас самое время подумать о них, прежде чем наши отношения станут глубже. Но, может, я сошла с ума? Чокнулась, раз думаю о подобном?

Джейк умен. Скоро он станет штатным профессором. Получит постоянный контракт, и все такое. Звучит привлекательно. Предвещает хорошую жизнь. Он высокий. В его неуклюжести есть нечто обаятельное. Он привлекательно мизантропичен. Когда я была моложе, то хотела именно такого мужа. Галочки по всем параметрам. Я просто не понимаю, что все это значит теперь, когда смотрю, как он ест хлопья, и слышу, как его тело издает гидравлические звуки.

– Думаешь, у твоих родителей есть секреты? – спрашиваю я.

– Безусловно. Не сомневаюсь. Без этого никак.

Самое странное – и это весьма беспримесная ирония, как выразился бы Джейк, – что я ничего не могу сказать ему о своих сомнениях. Они имеют к нему самое непосредственное отношение, и он единственный человек, с которым мне неудобно говорить о них. Я ничего не скажу, пока не буду уверена, что все кончено. Не могу. То, о чем я спрашиваю себя, касается нас обоих, влияет на нас обоих, но я могу все решить только одна. Что это говорит об отношениях? Еще одно противоречие в той длинной череде, что возникает на раннем этапе.

– К чему все эти вопросы о секретах?

– Да так, – говорю я. – Просто размышляю.

* * *

Может быть, мне лучше просто наслаждаться поездкой. Не переусердствовать с размышлениями. Выбраться из собственной головы. Развлечься; и пусть все идет естественным образом.

Я не знаю, что это значит: «пусть все идет естественным образом», но слышу это выражение снова и снова. Люди часто так мне говорят, когда речь заходит об отношениях. Разве не так все происходит? Я не сопротивляюсь: пусть мысли льются свободно. Это естественно. Я не собираюсь уничтожить сомнения на корню. Куда уж неестественней, верно?

Я спрашиваю, какие у меня есть причины для того, чтобы все закончить, и мне трудно подыскать стоящие аргументы. Но разве можно не задаваться этим вопросом в отношениях? Что в них такого? Зачем ими дорожить? Зачем их оправдывать? Чаще всего я просто прихожу к выводу, что мне было бы лучше без Джейка, что уйти от него было бы логичнее. Но я не уверена. Как я могу быть уверена? Я раньше никогда не расставалась с парнем.

Большинство отношений, в которых я побывала, похожи на коробку молока, у которого истек срок годности. Содержимое доходит до определенной точки и просто скисает, ничего тошнотворного, лишь меняется вкус. Возможно, вместо того чтобы думать о Джейке, мне следовало бы усомниться в своей способности испытывать страсть. Возможно, это все моя вина.

– Мне такой холод нравится, если небо ясное, – говорит Джейк. – Всегда можно вернуться во что-то теплое. В сильном холоде есть нечто освежающее.

– Летом лучше, – отвечаю я. – Ненавижу, когда мне холодно. До весны еще целый месяц. И он будет долгим.

– Однажды летом я видел Венеру без телескопа.

Такое мог сказать только Джейк.

– Это случилось однажды ночью, на закате. В следующий раз ее можно будет так увидеть где-то лет через сто. Это было очень редкое явление – планетарное выравнивание, когда Солнце и Венера оказываются на одной линии, и ее можно увидеть как крошечную черную точку, которая проходит между Землей и светилом. Это было и впрямь круто.

– Если бы мы тогда были знакомы, ты мог бы мне об этом рассказать. Я пропустила такое событие.

– В том-то и дело, что всем было все равно. Так странно. Появился шанс увидеть Венеру, а большинство людей вместо этого смотрели телевизор. Не обижайся, если и сама этим занималась.

Мне известно, что Венера – вторая планета от солнца. Я мало что знаю о ней, кроме этого.

– Тебе нравится Венера? – спрашиваю я.

– Конечно.

– Но почему? Почему она тебе нравится?

– Один день на Венере равен ста пятинадцати земным дням. Ее атмосфера состоит из азота и углекислого газа, сама планета имеет железное ядро. На ней полно вулканов и застывшей лавы, прямо как в Исландии. Мне следовало бы знать ее орбитальную скорость, но я лишь могу назвать какую-нибудь величину наобум.

– Звучит здорово, – говорю я.

– Но больше всего мне нравится то, что, кроме Солнца и Луны, это самое яркое небесное тело. Большинство людей не в курсе.

Мне нравится, когда он так говорит.

Я хочу услышать больше.

– Ты всегда интересовался космосом?

– Не знаю. Наверное. В космосе все имеет свое относительное положение. Космос – это сущность, верно, но еще он безграничен. Чем дальше продвигаешься, тем меньше плотность, но путь можно продолжать вечно. Нет четкой границы между началом и концом. Мы никогда полностью не поймем и не постигнем его. Это превосходит наши возможности.

– Да ладно?

– Темная материя составляет большую часть всей материи, и она все еще по сути тайна.

– Темная материя?

– Она невидима. Именно лишняя масса, которую мы не видим, делает образование галактик и скорости вращения звезд внутри галактик математически возможными.

– Я рада, что мы не знаем всего.

– Рада?

– Что мы не знаем всех ответов, что мы не можем объяснить все, как космос. Может быть, нам не положено знать все ответы. Вопросы – это хорошо. Они лучше, чем ответы. Если хочешь узнать больше о жизни, о том, как мы устроены, как мы развиваемся, важны именно вопросы. Они стимулируют наш интеллект, побуждают его изменяться. Я думаю, что вопросы заставляют нас чувствовать себя не такими одинокими, объединяют нас. Дело не всегда в знании. Я ценю неосведомленность. Она присуща человеку. Так и должно быть, как с космосом. Он неразрешим и темен, но не целиком.

Он смеется, и я чувствую себя глупо из-за того, что сказала все это.

– Прости, – говорит Джейк. – Я не смеюсь над тобой, мне просто смешно. Я никогда раньше не слышал, чтобы кто-то так говорил.

– Но ведь это правда, не так ли?

– Да. Он темен, но не целиком. Это правда. И это довольно хорошая идея.

* * *

– Я слышала, что некоторые помещения были разгромлены.
– Да, краска на полу, красная краска; и еще повреждения от воды. Ты знала, что он повесил цепь на дверь?

– Зачем?

– Наверное, хотел сделать какое-то заявление в своем эгоистичном, извращенном духе. Я без понятия.

– Он же не был вандалом, да?

– Нет, но есть один интересный момент: он начал рисовать граффити. Мы все знали, что это его работа. Его даже застали за этим делом. Он все отрицал, но каждый раз добровольно вызывался привести стену в порядок.

– Странно.

– Это даже не самое странное.

– Что?

– Самое странное в том, что он каждый раз писал одно и то же. Граффити. Одну и ту же фразу.

– Какая?

– «Нам остается решить только один вопрос».

– Нам остается решить только один вопрос?

– Ага. Вот что он писал.

– Что еще за вопрос?

– Понятия не имею.

* * *

– Мы еще не скоро приедем, да?

– Да, не скоро.

– Как насчет истории?

– Истории?

– Да, чтобы скоротать время, – говорю я. – Расскажу тебе одну историю. Подлинную. Ты ее никогда не слышал. Она из тех историй, которые тебе нравятся. Ну, я так думаю.

Я немного приглушаю музыку.

– Конечно, – говорит он.

– Это случилось со мной, когда я была моложе, подростком.

Я внимательно смотрю на него. За столом он часто кажется неуклюжим и неловким. За рулем выглядит слишком длинным, чтобы удобно устроиться, но осанка у него хорошая. Меня привлекает фигура Джейка благодаря его интеллекту. Острота ума делает его долговязость привлекательной. Они связаны между собой. По крайней мере, для меня.

– Готово, – говорит он. – Я весь внимание.

Я очень драматично откашливаюсь:

– Хорошо. Я прикрывала голову газетой. Серьезно. Что? Почему ты улыбаешься? Шел проливной дождь. Я схватила газету с пустого сиденья в автобусе. У меня были простые инструкции: приезжайте к дому в десять тридцать, вас встретят на подъездной дорожке. Мне сказали, что звонить не надо. Ты ведь слушаешь, да?

Он кивает, по-прежнему глядя через лобовое стекло на дорогу впереди.

– Когда я добралась туда, мне пришлось подождать – сколько-то там минут, а не секунд. Когда дверь наконец открылась, человек, которого я никогда раньше не видела, высунул голову наружу. Он посмотрел на небо и сказал что-то вроде: «Надеюсь, тебе не пришлось долго ждать». Он протянул руку ладонью вверх. Он выглядел измученным, как будто не спал несколько дней. Большие темные мешки под глазами. Щетина на щеках и подбородке. Взломаченный. Я попыталась заглянуть ему за спину. Дверь была приоткрыта лишь самую малость.

Он сказал: «Я Дуг. Дай мне минутку, держи ключи», – и бросил мне ключи, которые я поймала, прижав обе руки к животу, как будто меня ударили под дых. Дверь с грохотом захлопнулась.

Поначалу я оцепенела. Я была ошеломлена. Кто этот парень? Я ничего о нем не знала. Мы говорили по телефону, вот и все. Я посмотрела вниз на металлический брелок для ключей в руках, простую большую букву «J».

Я замолкаю. Бросаю взгляд на Джейка:

– Кажется, тебе скучно. Знаю, что деталей слишком много, но я их помню и пытаюсь рассказать правдивую историю. Тебе кажется странным, что я помню столько мелочей? Тебе скучно, потому что я рассказываю все?

– Просто рассказывай дальше. Почти все наши воспоминания – вымысел, причем сильно отредактированный. Так что продолжай.

– Не уверена, что согласна с этим, насчет воспоминаний. Но я знаю, что ты имеешь в виду.

– Продолжай, – отвечает Джейк. – Я слушаю.

– Прошло еще восемь минут, я, по крайней мере, дважды посмотрела на часы, прежде чем Дуг появился снова. Он рухнул на пассажирское сиденье и шумно вздохнул. Он переоделся в поношенные синие джинсы с дырками на коленях и клетчатую рубашку. Сиденья в его машине были покрыты рыжей кошачьей шерстью. Кошачья шерсть была повсюду.

– Так уж прям повсюду.

– Да, шерсти было в энной степени. Еще на Дуге была черная бейсболка, сдвинутая на затылок, со словом «Ядро» спереди, вышитым белым курсивом. Казалось, он создан для того, чтобы сидеть, а не стоять или идти.

Он ничего не сказал, и я приступила к рутине, которую до этого отработала с папой. Сдвинула сиденье вперед, трижды поправила зеркало заднего вида и убедилась, что ручник не поднят. Положила руки на руль на десять и два часа и выпрямила спину.

«Я никогда не любил дождь», – сказал Дуг. Это были его первые слова в машине. Он не упомянул про обучение, не спросил, как долго я практиковалась. Теперь, когда мы оказались в машине вдвоем, я увидела: он смущен и даже нервничает. Его колено неустанно подпрыгивало.

«Хотите, чтобы я с чего-то начала?» – спросила я.

«Это все дождь, – сказал он. – Сбивает с толку. Думаю, придется его переждать».

Жестами Дуг велел мне остановиться на первом же подходящем месте слева от нас. Это оказалась парковка возле кафе. Он спросил, не хочу ли я чего-нибудь – кофе или чая, – а я ответила, что нет. Некоторое время мы просто сидели молча, слушая, как дождь барабанит по машине. Двигатель все еще работал, чтобы стекла не запотевали, и я включила дворники на низкую скорость.

«Так сколько же тебе лет?» – спросил он и предположил, что семнадцать-восемнадцать. Я ответила, что шестнадцать.

«Ну, ты достаточно взрослая», – сказал он. Его ногти походили на мини-доски для серфинга; длинные, узкие, грязные мини-доски для серфинга. У него были руки художника, писателя, а не инструктора по вождению.

– Если тебе нужно сделать перерыв в рассказе, чтобы сглотнуть, моргнуть или отдышаться, валяй, – говорит Джейк. – Ты прямо как Мэрил Стрип, полностью вошла в роль.

– Отдышусь, когда закончу, – отвечаю я. – Он опять упомянул, что шестнадцать лет – это не молодость, и вообще возраст – странный, неточный критерий зрелости. Потом он открыл бардачок и достал маленькую книжечку.

«Хочу тебе кое-что почитать, – сказал он, – если ты не возражаешь, раз уж мы тут застряли, и все такое».

Он спросил, знаю ли я про Юнга. Я сказала, что не особенно, хотя это было не совсем правдой.

– Твой инструктор по вождению оказался юнгианцем?

– Погоди, это не все. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы найти нужное место в книге. Он откашлялся и прочел мне такую строчку: «Смысл моего существования – это тот вопрос, который задает мне жизнь. Или наоборот, я сам и есть этот вопрос, обращенный к миру; не ответив на него, я останусь с чужими ответами, и это уже буду не я»².

– Ты это запомнила?

– Да.

– Как?

– Он дал мне книгу. Я ее сохранила. Она все еще у меня, где-то лежит. Он в тот день был в настроении делать подарки. И сказал: опыт важен не только для вождения, но и для всего. «Опыт превосходит возраст, – таковы были его слова. – Нам приходится искать способы обретения опыта, потому что именно так мы учимся, именно так мы познаем».

– Какой странный урок.

– Я спросила, почему ему нравится его работа. Он сказал, что выбрал ее не от большого желания, но в связи с практическими соображениями. Сказал, что вошел во вкус и теперь ему нравится сидеть в машине и разговаривать с людьми. Сказал, что любит головоломки. Сказал, что ему нравится ехать в машине и направлять другого человека – дескать, это метафора. Он

² К. Г. Юнг «Воспоминания, сновидения, размышления» (пер. В. Поликарпова).

напомнил мне Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес», только такую, более застенчивую версию.

– Забавно, – говорит Джейк.

– В смысле?

– Я и сам когда-то слегка увлекался Юнгом. Чтобы по-настоящему познать себя, мы должны в себе усомниться. Мне всегда нравилась эта идея. В любом случае извини. Продолжай.

– Ладно. Пока мы ждали, он сунул руку в карман и выудил оттуда две странного вида конфеты. «Оставь себе эту, – сказал он, указывая на одну из них. – Прибереги для другого дождливого дня». Потом взял другую и развернул блестящую бумагу. Сжал пальцами и разломил пополам. Протянул мне кусок побольше.

– Ты его съела? – спрашивает Джейк. – Тебе не показалось странным, что этот парень предлагал тебе конфету? И тебе не было противно, что он дотронулся до нее?

– Я как раз хотела об этом сказать. Но да, было странно. И да, противно. Но я съела.

– Продолжай.

– На вкус ничего особенного. Я вертела леденец на языке, пытаюсь решить, сладкий ли он вообще. Не могла понять, нравится он мне или нет. Дуг сказал, что получил конфеты от одной из своих учениц. Она путешествовала где-то в Азии и эта разновидность леденцов там одна из самых популярных. Эта ученица их любила, но сам он не считал их чем-то особенным. Собственный кусок леденца он жевал, хрустел им.

И внезапно я почувствовала вкус. Неожиданный, резкий привкус. Это было неплохо. Мне начало нравиться. Дуг сказал: «Ты еще не знаешь самого интересного. На каждой обертке этих леденцов напечатано несколько строк по-английски. Они переведены слово в слово, поэтому смысла в них маловато». Он вынул из кармана обертку, развернул и показал мне.

Я прочитала вслух то, что было напечатано на внутренней стороне. Помню наизусть: «*Ты новый человек. Как сладость нельзя забыть, особый вкус. Вернуть поворот аромат*».

Я перечитала эти строки несколько раз про себя, потом еще раз вслух. Он сказал мне, что время от времени разворачивает конфеты, но не для того, чтобы поесть, а просто потому, что ему нравится читать стихи, думать о них, пытаться понять. Он сказал, что не любит поэзию, но эти строки так же хороши, как и любое стихотворение, которое он когда-либо читал. Он сказал: «Есть в жизни вещи – их не так много, – которые можно назвать реальными, доказанными лекарствами от дождливых дней, от одиночества. Такие вот головоломки. Каждый из нас должен решить свою собственную». Я никогда не забуду, как он это сказал.

– Такое запоминается. Я бы тоже не забыл.

– К этому моменту мы простояли на парковке уже минут двадцать, и все еще толком не поехали. Он сказал мне, что ученица, которая дала ему конфеты, была уникальна, что она была безнадежна за рулем, водитель бы из нее вышел просто кошмарный. И какие бы советы он ей ни давал, как бы ни повторял указания снова и снова, она просто не могла ничего взять в толк. И он с первого урока понял: экзамен ей не сдать ни за что на свете, она худший водитель в целом мире. Давать ей уроки бессмысленно и в некотором роде опасно.

Но Дуг с нетерпением ждал очередного урока, потому что они с этой девушкой вели долгие-долгие беседы, полноценные дискуссии. Он рассказывал ей о прочитанном, она отвечала тем же. Это был обмен на равных. Он сказал, иной раз она говорила такие вещи, которые просто сводили его с ума.

– Например? – спрашивает Джейк. Я вижу, что он, хоть и сосредоточен на дороге, но слушает меня внимательно. Моя история захватила его больше, чем я предполагала.

У меня звонит телефон. Я достаю его из сумочки, которая лежит на полу у моих ног.

– Кто это? – спрашивает Джейк.

Я вижу на экране собственный номер.

– О, просто подруга. Не буду отвечать.

– Ладно. Продолжай свою историю.

Почему он опять звонит? Что ему надо?

– Хорошо, – говорю я, кладу телефон обратно в сумочку и возвращаюсь к рассказу: – Ну так вот. Однажды эта ученица ни с того ни с сего сказала своему инструктору по вождению, что она «лучше всех в мире целуется». Просто сообщила об этом, как будто считала, что он должен знать. Она была в этом так уверена и, по словам Дуга, говорила очень убедительно.

Джейк перехватывает руль по-другому и садится еще прямее. Я слышу, как мой телефон пищит, уведомляя о сообщении.

– Он сказал мне, что понимает, насколько странно об этом рассказывать. Кажется, даже извинился и признал, что никогда и никому не рассказывал об этой детали. Она клялась, что такой талант наделяет ее бóльшим могуществом, чем деньги, ум или что-то еще. По ее словам, тот факт, что она целовалась лучше всех в целом мире, делал ее центром вселенной.

Дуг ждал, что я отвечу ему или просто что-нибудь скажу. Я не знала, как быть. Поэтому ляпнула первое, что пришло в голову: в поцелуе участвуют два человека. Нельзя быть единственным в своем роде – тем, кто умеет целоваться лучше всех. Для этого нужны двое. «На самом деле, – сказала я, – можно быть лучшим, только если другой человек тоже лучший, а такое невозможно». Это не то же самое, что играть на гитаре, например, когда ты один и знаешь, что у тебя хорошо получается. Это не одиночное действие. Для него требуются двое.

Мой ответ, казалось, обеспокоил Дуга. Он явно расстроился. Ему не понравилась мысль, что невозможно в одиночку быть тем, кто целуется лучше всех, что в этом смысле ты зависишь от другого человека. И тогда он сказал: «Это для меня чересчур. Значит, нам всегда будет нужен кто-то еще. Но что, если больше никого нет? Что, если ты останешься в полном одиночестве?»

Я не знала, что ему ответить. Потом Дуг как-то сник, словно мы поссорились. Сказал: «Глупо ждать, что дождь закончится». И велел мне свернуть с парковки направо. Он указывал, куда ехать, дергая головой туда-сюда. И все время молчал.

– Интересно, – говорит Джейк.

– Я почти закончила.

– Продолжай.

– До конца урока Дуг нервно ерзал на кресле и как будто не интересовался ничем, связанным с вождением. Он дал несколько простых советов по технике, но в основном смотрел в лобовое стекло. Это был мой первый и последний урок вождения.

Поскольку дождь все еще шел, Дуг сказал, что высадит меня у дома, чтобы мне не пришлось ждать автобуса. Больше мы почти ни о чем не говорили. Когда подъехали к моему дому, я остановилась у дверей и сказала, что продолжу тренироваться с отцом. Он сказал, это хорошая идея. Я оставила его там и побежала в дом.

Примерно через минуту – прошло мало времени – я снова вышла на улицу. Он все еще сидел там, в машине. Перебрался на водительскую сторону и держал руль обеими руками. Кресло осталось в том положении, какое установила я, как и зеркало. Дуг туда еле втиснулся. Я сделала ему знак опустить стекло. Прежде чем это сделать, он отодвинул сиденье назад. В то время еще было нормально не иметь электрических стеклоподъемников.

Не успело стекло достигнуть нижнего положения, как я просунула голову внутрь машины и осторожно положила ладонь Дугу на левое плечо. С моих волос текла вода. Я должна была что-то сказать. Велела ему на секунду закрыть глаза. Мое лицо было близко к его лицу. Он подчинился. Закрыв глаза и вроде как наклонился ко мне. А потом...

– Что? Не могу поверить, что ты это сделала, – говорит Джейк. – Какого черта на тебя нашло?

Я впервые вижу его таким оживленным. Он потрясен, почти рассержен.

– Сама не знаю. Просто чувствовала, что должна это сделать.

– Это так на тебя не похоже. Ты его потом хоть раз видела?

– Нет. На этом все закончилось.

– Хм, – задумался Джейк. – Нужен ли второй человек для того, чтобы целоваться лучше всех на свете? Это интересно. Вопрос из тех, что остаются с тобой навсегда, и ты размышляешь о нем снова и снова, как одержимый.

Джейк обгоняет медленно движущийся пикап. Он черный, старый. Мы следовали за этим грузовиком почти на протяжении всего рассказа. Я пытаюсь разглядеть водителя, когда мы проезжаем мимо, но ничего не вижу. На дороге не так уж много машин.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что все воспоминания – вымысел?

– Воспоминания меняются всякий раз, когда мы к ним обращаемся. Они не абсолютны. Истории, основанные на реальных событиях, часто имеют больше общего с вымыслом, чем с фактами. И вымысел, и воспоминания вспоминаются и пересказываются. И то и другое – формы историй. Истории – это способ, посредством которого мы учимся. Истории – то, что позволяет нам понять друг друга. Но реальность случается только один раз.

Именно в такие моменты меня влечет к Джейку сильнее всего. Вот как сейчас. Когда он сыплет фразами вроде «реальность случается только один раз».

– Если вдуматься, это странно. Мы идем смотреть кино, понимая, что оно нереально. Мы знаем, что люди играют, читают сценарий наизусть. Но все равно фильм на нас влияет.

– Ты хочешь сказать, что не имеет значения, выдумана ли история, которую я тебе только что рассказала, или она произошла на самом деле?

– Все истории выдуманы. Даже подлинные.

Еще одна классическая реплика Джейка.

– Мне надо об этом подумать.

– Знаешь песню «Unforgettable»³?

– Ага, – говорю я.

– А что ты можешь назвать по-настоящему незабываемым?

– Даже не знаю. Я не уверена. Но песня мне нравится.

– Ничего. Нет ничего незабываемого.

– Что?

– В том-то и дело. Какая-то часть любого события неизменно забывается. Не важно, насколько она хороша или примечательна. Так положено – и точка. Речь не о том, быть ей или не быть...

– Вот в чем вопрос?

– Не начинай, – говорит Джейк.

Я не знаю, что ему теперь сказать. Не понимаю, как реагировать на его слова.

А он молчит. Просто играет своими волосами, закручивая их на затылке вокруг указательного пальца – такая у него привычка, она мне нравится. А потом, через некоторое время, смотрит на меня.

– А если я назову себя самым умным человеком в мире, что ты скажешь?

– Что, прости?

– Я серьезно. И это имеет отношение к твоей истории. Просто ответь.

Кажется, мы едем уже минут пятьдесят, а может, и больше.

На улице все темнее. В машине светятся только приборная панель и радио.

– Что бы я сказала?

– Ага. Ты бы посмеялась? Назвала меня лжецом? Разозлилась? Или просто усомнилась в разумности такого смелого заявления?

³ «Незабываемые» (англ. *Unforgettable*) – сингл американского певца Нэта Кинга Коула (1951 г.).

– Наверное, я бы сказала: «Что, прости?»

Джейк в ответ смеется. Не хохочет, но тихонько, сдавленно и от души хихикает – за ним такое водится.

– Серьезно. Вот я это сказал. Ты меня хорошо расслышала. Как ты на такое отреагируешь?

– Ну ладно. Ты хочешь сказать, что ты самый умный мужчина в мире...

– Неправильно. Самый умный *человек*. И я не утверждаю, что это на самом деле *правда*, мне интересно, как бы ты отреагировала на подобное заявление, если бы я действительно его *сделал*. Не спеши.

– Джейк, перестань.

– Я серьезно.

– Наверное, я бы сказала, что ты несешь чепуху.

– Неужели?

– Ага. Самый умный человек в целом мире? Смешно по многим причинам.

– По каким же?

Я поднимаю голову, которую до этого подпирала руками, и оглядываюсь вокруг, как будто где-то рядом есть зрители. За окном мелькают размытые очертания деревьев.

– Хорошо, позволь задать тебе вопрос. Ты считаешь себя самым умным человеком на свете?

– Это не ответ. Это вопрос.

– И мне позволено ответить в форме вопроса.

Я знаю, что подставляюсь – так и напрашивается шутка по мотивам телепередачи «Рискуй!»⁴, – но Джейк этого не замечает. Ну конечно, он не замечает.

– Почему я не могу быть самым умным человеком на свете, помимо аргумента, что это безумие?

– Я даже не знаю, с чего начать.

– В этом все и дело. Ты просто предполагаешь, что мое заявление слишком оторвано от реальности. Ты не в силах осознать, что твой знакомый, обычный чувак, сидящий рядом с тобой в машине, является умнейшим из людей. Но почему бы и нет?

– А что ты вообще подразумеваешь под умом? Ты более начитанный, чем я? Возможно. Но ты можешь, например, поставить забор? Ты знаешь, когда можно спросить у кого-нибудь, как у него дела, а когда нельзя, чувствуешь сострадание, умеешь жить с другими людьми, устанавливаешь с ними связь? Эмпатия – большая часть ума.

– Ну конечно, – говорит он. – Все это входит в мой вопрос.

– Ладно. И все-таки... ну, не знаю... разве умнейший из людей может существовать?

– Он должен быть. Какой бы алгоритм ты ни придумала, как бы ни определила составные части интеллекта, кто-то должен соответствовать этим критериям в большей степени, чем все остальные. Кто-то должен быть самым умным в целом мире. И это тяжкое бремя. Очень тяжкое.

– Да какое это имеет значение? Умнейший из людей – тоже мне, проблема.

Он слегка наклоняется ко мне.

– Самое привлекательное из всех возможных свойств – сочетание уверенности и самознания. Эти качества следует смешать в нужных количествах. Переборщишь с тем или другим – и все, пиши пропало. А знаешь, ты была права.

– Права? В чем именно?

⁴ «Рискуй!» (англ. *Jeopardy!*) – американская игра-викторина, где вопросы сформулированы в форме утверждений, а ответы необходимо давать в форме вопросов.

– В том, что касается лучших в мире поцелуев. К счастью, целоваться лучше всех в одиночку невозможно. Это не то же самое, что быть самым умным.

Он откидывается назад и снова кладет обе руки на руль. Я смотрю в окно.

– И когда ты захочешь устроить конкурс на строительство забора, просто дай мне знать, в любое время, – прибавляет Джейк.

Он так и не дал мне закончить рассказ. Я не целовалась с Дугом после нашего урока. Это Джейк так предположил. Он решил, что я поцеловала Дуга. Но для поцелуя нужны два человека, желающих целоваться, или это не поцелуй, а что-то другое.

Вот что произошло на самом деле.

Я вернулась к машине. Наклонилась к окну и раскрыла ладонь, показывая крошечную смятую конфетную обертку, которую дал мне Дуг. Развернула ее и прочитала:

*«Мое сердце, мое сердце одно с его плещущимися волнами песни, жаждет
прикоснуться к этому зеленому миру солнечного дня. Привет!»*

У меня до сих пор где-то лежит этот фантик. Я сохранила его. Не знаю почему. Прочитав эти строки Дугу, я повернулась и побежала обратно в дом. Больше я его не видела.

* * *

– У него были ключи. По расписанию Он не должен был здесь находиться, но у него были ключи. Он мог делать все, что хотел.

– Разве во время каникул там не должны были работать маляры?

– Да, но они все отлакировали в самом начале праздников. Чтобы лак успел высохнуть.

Он иногда сильно воняет.

– Он токсичен?

– Опять же, не знаю. Может быть, если дышать только им.

– А мы узнаем результаты вскрытия?

– Могу проверить.

– Там было... грязно?

– Представь себе.

– Да уж.

– Давай не будем вдаваться в подробности.

– Рядом с телом вроде бы нашли противогаз?

– Да, только очень старый. Непонятно, работал ли он.

– Мы так мало знаем о том, что там на самом деле произошло.

– И тот единственный, кто мог бы нам все рассказать, умер.

* * *

Джейк заговорил о старении, чем сильно меня удивил. Мы раньше никогда не обсуждали такую тему.

– Это штука, по поводу которой существует культурное недопонимание.

– То есть ты считаешь, что стареть – это хорошо?

– Да. Именно так. Во-первых, это неизбежно. Старость кажется чем-то нехорошим из-за нашей всеобъемлющей одержимости молодостью.

– Да-да, я в курсе. Прямо сплошной позитив. Но как насчет твоей мальчишеской привлекательности? Можешь поцеловать ее на прощание. Ты готов стать толстым и лысым?

– Что бы мы с возрастом ни потеряли в физическом плане, оно стоит того, что мы приобретаем. Это справедливый обмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.